

М. В. ШИЛОВСКИЙ
ПАССИОНАРИИ ЕВРО-АЗИАТСКОГО ФРОНТИРА:
Г. А. КОЛПАКОВСКИЙ, Г. Н. ПОТАНИН,
М. И. ВЕНЮКОВ, Ч. Ч. ВАЛИХАНОВ

Территориальную экспансию и освоение Сибири, Дальнего Востока и Центральной Азии Россией оптимально, на мой взгляд, можно описать в рамках теории фронта, сформулированной Ф. Дж. Тернером применительно к США. По его мнению, американский фронт «резко отличается от европейского, представляющего собой укрепленные пограничные линии, проходящие через густо населенные местности». В отличие от этого, американский фронт представляет собой полосу «наиболее эффективной американизации». Колонист «преобразует дикую местность, но то, что возникает в результате, — это не старая Европа». «Сначала фронтом было Атлантическое побережье. Оно было в самом реальном смысле границей Европы. Продвигаясь на запад, фронт все более и более становится американским».¹

Применительно к отечественной истории, в частности к российской колонизации, под фронтом принято понимать место или момент встречи двух культур разного уровня развития. «Именно такой была встреча белой и индейской цивилизации в Северной Америке, — считает Д. Я. Резун, — испанской и индейской — в Южной Америке, русской и аборигенной — в Сибири».² Кроме того, фронт, на мой взгляд, невозможен без переселений, устанавливающих собственно границу (или *terra nullius* 'ничейная земля') между «полноценными» подданными, «цивилизованными» представителями метрополии и туземным населением, «инородцами», которые постепенно становятся подданными, а их земли подлежат освоению (колонизации).

Очень много в освоении фронта, а применительно к Сибири и Степному краю, цент-

ральноазиатским территориям — фактически все, зависело от позиции и участия государства. Российские власти, по справедливому замечанию Т. Г. Лерсаряна, «брали на себя функцию организации и поддержания “русского фронта” — границы геополитического пространства, на котором наиболее интенсивно осуществлялась экспансия. Русский фронт значительно отличается от, скажем, фронта американского. Последний напоминает густое закрашивание фломастером того или иного участка; американский фронт — поглощающий. Русский фронт, огораживающее поле русского колонизационного действия, — нечто вроде прочерченной карандашом пограничной полосы».³

Применительно к Западной Сибири первая фаза освоения огораживающего фронта осуществлялась в течение конца XVI — первой четверти XVII вв., применительно к южной Сибири и северо-востоку Казахстана она относится к XVIII в., к южному Казахстану и Средней Азии — ко второй половине XIX в. Пекинский договор 1860 г., помимо прочего, положил начало русско-китайскому разграничению Центральной Азии. После долгих споров Чугучакский протокол 1864 г. определил прохождение границы и закрепил за Россией Алтайский и Курчумский края, оз. Зайсан, Тарбагатай, Заилийский Алатау, Тянь-Шань. Восстание в Сынцзяне отсрочило демаркацию границы до 1869 г. Летом 1868 г. российские войска заняли долину р. Бухтармы от урочища Чингистай до плато Укок. После восстания дунган, уйгуров, казахов и других мусульманских народов Центральной Азии в 1864–1871 гг., после оккупации Кульджинского (Илийского) края русскими войсками и его возвращения Китаю по условиям Петербургского договора 1881 г., дополненного Новомаргиланским протоколом 1884 г., завершилось русско-китайское размежевание Центральной Азии.

С точки зрения имперской географии власти данное обстоятельство дало импульс для «научного завоевания» новых и сопредельных

¹ Тернер Ф. Дж. Фронт в американской истории. М., 2009. С. 14–16.

² Резун Д. Я. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005. С. 3.

³ Лерсарян Т. Г. Бескрайняя равнина конца времен // Отец. зап. 2002. № 3. С. 15.

территорий, т. е. для их картографирования, статистического и этнографического описания. Как установил А. В. Ремнев, «научные экспедиции, специальные исследовательские программы, составленные по инициативе или под контролем центральной или местной администрации, должны были выяснить экономический потенциал региона, меры по его обороне, наметить направления хозяйственного освоения, перспективы сельскохозяйственной и промышленной колонизации, выстроить стратегию управленческого поведения в отношении коренных народов, с учетом их социокультурной специфики. География, этнография и история Востока, мотивированные потребностями “знания — власти”, развиваются под явным запросом имперской практики. В качестве экспертов, обсуждавших имперские проблемы на страницах журналов и газет, а нередко и в закрытых правительственных совещаниях и комиссиях, часто можно видеть ведущих российских ученых, которые осуществляли интеллектуальный транзит достижений западной политической и экономической науки и практики, определяя различные варианты российского видения Востока».⁴

Наибольший вклад в разработку центральноазиатского направления формировавшейся в последней четверти XIX в. российской геополитики внесли военные и члены Императорского Русского географического общества (ИРГО). В нашем конкретном случае речь пойдет о четырех из них, посвятивших свою жизнь освоению и изучению Азиатской России и сопредельных с ней территорий. В порядке краткой презентации представим их.

Герасим Алексеевич Колпаковский (1819–1896), из дворян. В 1851 г. в чине штабс-капитана стал адъютантом назначенного западно-сибирским генерал-губернатором генерала Г. Х. Гасфорда. В 1854 г. произведен в капитаны и назначен Березовским окружным начальником в Тобольскую губернию. В следующем году становится майором, а в 1858 г. назначается начальником Алатавского внешнего округа и приставом киргизской (казахской) Большой Орды. В 1860 г. — произведен в подполковники, а затем в полковники, в 1862 г. — в генерал-майоры. С 1867 г. — военный губернатор Семиреченской области. В 1871 г. произведен

в генерал-лейтенанты за покорение Кульджинского ханства. В 1876 г. командовал экспедиционным отрядом, созданным для разгрома Кокандского ханства. В 1882–1889 гг. — первый Степной генерал-губернатор, командующий Омским военным округом и наказной атаман Сибирского казачьего войска (СКВ). В 1895 г. произведен в генералы от инфантерии. Награжден многими российскими орденами, в том числе Св. Георгия IV-й и III-й степени. Почетный член ИРГО.

Его подчиненным был Михаил Иванович Венюков (1832–1901), географ, путешественник, этнограф. Окончил кадетский корпус (1850) и Академию Генерального штаба (1856), полковник Генштаба. С 1857 г. на военной службе в Восточной Сибири, участник сплавов по Амуру и Уссури. В 1859–1860 гг. служил в Омске и Степном крае, в 1861–1863 гг. — на Кавказе, в 1863–1867 гг. — в Польше, в 1869–1870 гг. находился в заграничной командировке в странах Дальнего Востока. Член ИРГО. В 1877 г. эмигрировал (Париж).

Григорий Николаевич Потанин (1835–1920), выдающийся ученый, путешественник, общественный деятель, из семьи офицера Сибирского казачьего войска. Окончил Сибирский (Омский) кадетский корпус (1852). Служил офицером в СКВ, участвовал в присоединении Семиречья к России. Возглавлял экспедиции в Центральную Азию 1876–1877, 1878–1880, 1892–1893, 1894–1896 гг. Член ИРГО.

Его товарищ и соученик, подчиненный Г. А. Колпаковского Чокан Чингисович Валиханов (Мухаммед-Ханафия) (1835–1865), внук хана Аблая (Абылая). Окончил Сибирский кадетский корпус (1853), служил адъютантом у Г. Х. Гасфорда (корнет (1853), поручик (1855), штабс-ротмистр (1860), ротмистр (1865)). В 1858–1859 гг. под видом семипалатинского купца Аламбая посетил Кашгар, за что был награжден орденом Св. Владимира IV-й степени и денежной премией. Член ИРГО.

Все эти члены ИРГО отличались пассивной активностью и основное свое внимание концентрировали на стратегически важных районах Азиатской России и на исследовании сопредельных территорий, которые попали в сферу российских имперских интересов. К ним ко всем можно отнести характеристику, которая была дана в некрологе в отношении Г. А. Колпаковского: «...Он был человек большого природного ума, необыкновенной энергии и неутомимый труженик. Не полу-

⁴ Ремнев А. В. Ориенталистский дискурс и российская имперская практика (к постановке проблемы) // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: тез. докл. и сообщ. III науч. конф. Омск, 2003. С. 85.

чив широкого научного образования, он разнообразным личным опытом развил свой ум до широкого взгляда на общие вопросы и до глубокого понимания вещей. Его жизнь была полна усиленного, упорного труда и неуспешной борьбы с самым опасным врагом — с тайною подпольною интригою завистливых врагов и коварных карьеристов. Человек разумный, деловитый и энергичный, он везде и всегда выделялся из рядовых сверстников по службе и был отличаем своим начальством, но за то всегда был окружен недоброжелателями и завистниками».⁵ В анализируемой группе генерал выступал в ипостаси расширителя империи, завоевателя Кокандского и Кульджинского ханств.

М. И. Венюков теоретически разрабатывал тему «Россия и Восток» с позиций «естественной истории человечества». По его мнению, россияне наработали богатый колониционный опыт в плане приобщения азиатских народов к европейской цивилизации, при этом отечественный колонист нравственно превосходит европейских коллег: «Туземные племена северной Азии не истребляются русскими, сливаются с ними; за сибирскими дикарями русский человек не охотится с ружьем и собакой как англичанин за маорисами в Новой Зеландии... Полное политическое спокойствие царствует на всем обширном пространстве от Урала до Тихого океана, несмотря даже на прилив туда стольких элементов беспорядка в лице ссыльных преступников. И в общегосударственном смысле северная Азия является не мятежною колонией, которая истощала бы свою метрополию усилиями на поддержание политических уз, а простым продолжением великой империи, политическое могущество которой только черпает в завоеванной стране новые силы».⁶

Что касается Центральной Азии, то расширение пределов Российской империи в этом направлении Венюков связывал со стремлением достичь «естественных границ» в том виде, в котором они сложились к 1870-м гг., с продвижением «по степям Туркестана к югу до Хоросана и Гиндукуша». «Отвечая на вызовы современных ему политических процессов, — замечает А. В. Ремнев, — Венюков ищет ответы,

соединяя географию, историю и политику. Ему было тесно в рамках традиционного военно-статистического описания, и уже в ранних его сочинениях зазвучали новые геополитические мотивы, уносящие читателя в прогностическую область грядущего мирового порядка в Азии, основанного на системе военно-политического равновесия трех современных ему мировых империй (Российской, Британской, Китайской), конфликтности и мирного сосуществования разных цивилизаций».⁷

Г. Н. Потанин, будучи выходцем из казаков, не только являлся человеком фронта по месту рождения, но и был подготовлен к межкультурному диалогу на личностном уровне. За время своих путешествий в Монголию, Туву, Китай он собрал колоссальный материал. В. А. Есаков отмечал: «Картографические материалы, съемки и определение координат и высот отдельных пунктов, по существу, дали новую картину орографии и гидрографии страны. Отдельные географические объекты нашли правильное отображение на карте. Особенно это касалось системы гор Танну-Ола и верховьев Енисея, Больших озер (Хирас-Нур и др.), Хангая и Монгольского Алтая. Описания районов Монголии (пустыня Гоби, Хангая и др.), которые Потанин дает в отчете после третьего путешествия, поражают яркостью и точностью характеристик».⁸

Г. И. Пелих и А. Т. Топчий установили, что экспедиционные работы проводились Потаниным по специально разработанной, оригинальной методике. Ее применение было направлено на открытие невидимых, неосязаемых, но прочных «духовных образований» (духовных организмов) и их «жизненных связей», на поиски «энергетического центра», или «ядра», данного духовного района. Определив «ядро», он начинал изучение всего: людей, животного и растительного мира, климата, почвы, фольклора и т. д. При этом выявлялись радиальные векторы, по которым распространялось то или иное культурное явление из «ядра» к периферии, уточнялись кривые концентрических окружностей, определявшие контуры данного образования. Этот метод давал возможность найти и исследовать культурные общности. В XX в. под названием «метод региональных

⁵ Бижигитова К. С. Штрихи к портрету Степного генерал-губернатора Г. А. Колпаковского // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2005. С. 343.

⁶ Венюков М. И. Россия и Восток: собр. геогр. и полит. ст. СПб., 1877. С. 114, 115.

⁷ Ремнев А. В. «Естественные границы» империи и степь в геополитической конструкции М. И. Венюкова // Степной край. Омск, 2001. С. 8.

⁸ Есаков В. А. География в России в XIX — начале XX века. М., 1978. С. 211, 212.

исследований» он применялся Ф. Боасом, А. Леруа-Гураном, Лесли Уйтом и др.⁹

Еще одну черту исследовательского стиля Григория Николаевича подметил В. А. Обручев: «Для Потанина страны Центральной Азии являлись своеобразным музеем, в котором хранились памятники материальной и духовной культуры народов, частью уже исчезнувших, и в котором можно собрать богатые материалы по народному эпосу и этнографии вообще. Умение располагать к себе население страны и заслужить его доверие очень способствовало успеху работ Потанина».¹⁰ Развивая эту мысль, сподвижник Потанина Д. А. Клеменц отмечал: «Он в своих экспедициях думал не только о том, что привезет с собой домой, но и о том, что сам принесет в дальние края. В этом смысле он был настоящим апостолом цивилизации и гуманности».¹¹

Концептуальную основу многочисленных работ Г. Н. Потанина составило положение об определяющем влиянии природно-климатических факторов на развитие отдельных народов, а также предположение о едином источнике эпического наследия Европы и Азии. Находясь на китайской территории весной 1877 г., он писал: «Мне кажется, что здесь живут свежо остатки древности, предшествующей самой ранней цивилизации. Может быть я ошибаюсь, но мне представляется, что здешние легенды и верования древнее семитических и, народившись здесь, перешли вместе с переселением семитов на Запад. Предание о Адаме и Еве находит здесь свое начало в местном языке... Да, эта местность, где мы живем, настоящая родина человека.. Здесь возник первый культ... Реки здешние представлялись первым людям материнскими лонами, отцов они видели в горных вершинах. Рай Адама и Евы, я теперь уверен, находится в верховьях Иртыша, на берегах которого я родился».¹²

Феномен Ч. Ч. Валиханова состоит в том, что он, окончив военно-учебное заведение, стал кадровым офицером русской армии, активным участником процесса инкорпорации своей родины в имперское пространство Рос-

сии. Будучи «по своим умственным симпатиям и направлениям» западником,¹³ в повседневной жизни Валиханов придерживался обычаев и традиций казахской знати. Его разведывательная миссия в Кашгар (июнь 1858 г. — апрель 1859 г.), имевшая большое военно-стратегическое и научное значение, подробно описана в литературе. Конец 1850-х — начало 1860-х гг. становятся апофеозом славы офицера-казаха. Из Кашгара он привез несколько уникальных восточных рукописей. В это время были написаны его наиболее важные научные труды. Для доклада о миссии, уточнения географических карт и написания отчетов Валиханова вызывают в Петербург и прикомандируют к Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел. При его участии были подготовлены следующие документы: «Карта пространства между озером Балхашом и хребтом Алатау», «План города Кульджи», «Карта Западного края Китайской империи» и др. Подводя итоги жизненного пути Чокана, следует отметить его вклад в отечественное востоковедение. «Ему принадлежит приоритет в постановке и разработке ряда узловых проблем истории тюркских народов Азии, — констатируют Р. Б. Сулейманов и В. А. Моисеев, — казахов, киргизов, уйгур и др., таких, как проблема этногенеза, социальной структуры и политического положения, национально-освободительной борьбы против чужеземных завоевателей, роли ислама в жизни народов Средней Азии, Восточного Туркестана и Казахстана. Чокан Валиханов... несмотря на сравнительно невысокий уровень развития исторической науки вообще и знаний о тюркских народах этого региона Азии в частности, несовершенную методику исследований, узость источниковой базы, сумел дать в целом правильную оценку научным проблемам, гораздо более основательную, чем его современники».¹⁴

Таким образом, имперская политика в Центральной Азии зависела не только от активности петербургских политиков, но и от деятельности «строителей» империи из числа местных чиновников, военных, ученых, общественных деятелей, предпринимателей. Служба на окраине Российской империи «не только способствовала быстрой карьере, но и вырабатывала особый стиль управления, формировала особый тип

⁹ Пелих Г. И., Топчий А. Т. Тайны областнической концепции // Историческое краеведение: теория и практика. Барнаул, 1996. С. 185.

¹⁰ Обручев В. А. Путешествия Потанина. М., 1953. С. 185.

¹¹ Клеменц Д. А. Г. Н. Потанин (1905) // Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 274.

¹² Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1989. Т. 3. С. 81, 90.

¹³ Потанин Г. Н. Чокан Валиханов // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата, 1968. Т. 4. С. 642.

¹⁴ Сулейманов Р. Б., Моисеев В. А. Чокан Валиханов — востоковед. Алма-Ата, 1985. С. 107.

государственного и общественного деятеля. Перед имперской администрацией на азиатских окраинах в условиях слабости местной общественной инициативы, отсутствия вне службы

значительного слоя просвещенного дворянства и разночинцев стояли не только задачи управления, но изучения и освоения огромного зауральского региона».¹⁵

Ключевые слова: *фронтир, Центральная Азия, научное освоение территории, империя*

Mikhail V. Shilovskiy

Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University, Institute of History, Siberian branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: *istorik.novosib@gmail.com*

THE PASSIONARIES OF THE EURASIAN FRONTIER:
G. A. KOLPAKOVSKY, G. N. POTANIN, M. I. VENYUKOV, CH. CH. VALIKHANOV

The article deals with the contribution of A. G. Kolpakovsky, G. N. Potanin, M. I. Venyukov, Ch. Ch. Valikhanov to the development of the Central Asian branch of the Russian geopolitics. Its genesis depended in addition to the activities of the central officials also on the work of the “builders” of the empire represented by the local military, academics, and entrepreneurs. Civil service at the outskirts of the Russian empire produced a specific type of an official and a public character, to which all the aforementioned people belonged.

Key words: *frontier, Central Asia, the scientific development of the territory, the empire*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Bizhigitova K. S. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii: sb. nauch. tr.* (Asiatic Russia: people and the structure of the empire: collected papers). Omsk: Izd-vo OmGU, 2005, pp. 341–351. (in Russ.).
- Klements D. A. *Literaturnoe nasledstvo Sibiri: sb. nauch. tr.* (Literary Heritage of Siberia: collected papers). Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatelstvo, Vol. 7, 1986, pp. 271–275. (in Russ.).
- Lersaryan T. G. *Otechestvennye zapiski* (Notes of the fatherland), 2002, № 3, pp. 13–18. (in Russ.).
- Obruchev V. A. Moscow: Izd-vo “Molodaya gvardiya”, 1953, 271 p. (in Russ.).
- Pelikh G. I., Topchiy A. T. *Istoricheskoe kraevedenie: teoriya i praktika: sb. nauch. tr.* (Historical ethnography: theory and practice: collected papers). Barnaul: Izd-vo Altayskogo gos. ped. un-ta, 1996, pp. 183–187. (in Russ.).
- Pisma G. N. Potanina* (Letters G. N. Potanin). Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gos. un-ta, Vol. 3, 1989, 296 p. (in Russ.).
- Remnev A. V. *Stepnoy kray: zona vzaimodeystviya russkogo i kazakhskogo narodov (XVIII–XX vv.): tezisy dokladov i soobshcheniy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Steppe region: a zone of interaction of Russian and Kazakh peoples (XVIII–XX centuries): abstracts and reports of the II International Scientific Conference). Omsk: Izd-vo OmGU, 2001, pp. 4–8. (in Russ.).
- Remnev A. V. *Stepnoy kray: zona vzaimodeystviya russkogo i kazakhskogo narodov (XVIII–XX vv.): tezisy dokladov i soobshcheniy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Steppe region: a zone of interaction of Russian and Kazakh peoples (XVIII–XX centuries): abstracts and reports of the III International Scientific Conference). Omsk: Izd-vo OmGU, 2003, pp. 83–86. (in Russ.).
- Rezun D. Ya. Novosibirsk: Izd-vo “RIPEL”, 2005, 127 p. (in Russ.).
- Suleymanov R. B., Moiseev V. A. Alma-Ata: Izd-vo Nauka, 1985, 187 p. (in Russ.).
- Terner F. Dzh. Moscow: Izd-vo “Ves Mir”, 2009, 304 p. (in Russ.).
- Valikhanov Ch. Ch.* Alma-Ata: Izd-vo AN Kazakhskoy SSR, Vol. 4, 1968, 673 p. (in Russ.).
- Venyukov M. I. St. Petersburg, 1877. 678 p. (in Russ.).
- Yesakov V. A. Moscow: Izd-vo Nauka, 1978, 584 p. (in Russ.).

¹⁵ Ремнев А. В. Ориенталистский дискурс... С. 85.